

18+

Дарья Фролова

Сказки с бесами

Дарья Фролова

Сказки с бесами

«Издательские решения»

Фролова Д. М.

Сказки с бесами / Д. М. Фролова — «Издательские решения»,

Хватит бояться темноты! В книге «Сказки с бесами» — домовые, лешие, водяные, черти, — лучшие друзья человека. Пришло время пересмотреть к ним свои страхи и суеверия. Сборник трогательных и поучительных сказок, где каждая напоминает: настоящее чудо — это вовремя протянутая рука помощи. Бесы приходят на помощь, спасают и доказывают дружбой, что доброе сердце важнее ангельских крыльев. Скорее открывайте книгу и знакомьтесь со своими новыми лучшими друзьями!

© Фролова Д. М.

© Издательские решения

Содержание

Сказка о заблудившемся Шуршике	6
Церковный бес и спасение батюшки	8
Как Асилия и Вихрь поженили колдуна Игоря и ведьму-красавицу Оксану	10
Как толстая Фекла похудела	14
Посвящения в Вальпургиеву ночь	16
Красные перчатки богатства	18
Святочные колядки Фильки	20
Злые завистницы	22
Хозяйка старого кладбища	24
Праздник 31 января	27
Купец Иван	29
Сведение судеб любимых	32
Помощь Полевика	35
Хозяин болота и спасение знахарки	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сказки с бесами

Дарья Михайловна Фролова

© Дарья Михайловна Фролова, 2026

ISBN 978-5-0070-8434-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сказка о заблудившемся Шуршике

В канун Рождества, когда выюга заметала следы на лесных тропах, а сугробы доставали до нижних ветвей вековых елей, маленький чертик по имени Шуршик окончательно сбился с пути. Он летел из Ледяного Оврага к своим старшим братьям на шабаш у Гнилого Пня, но то ли компас из сосновой шишки сломался, то ли луна спряталась за тучи — оказался он посреди чистого поля, где воет лишь ветер да пляшут снежные вихри.

Замерз бедолага до самых кончиков хвоста. Нос посинел, копытца окоченели так, что и взлететь не мог толком — падал носом в сугроб, только брызги ледяной каши летели.

— Ох, пропаду я тут... — причитал Шуршик, пытаясь согреть дыханием озябшие пальцы. — Ни костра развести, ни погреться. Эх, был бы сейчас котелок с чем-нибудь горяченьким...

Вдруг сквозь вой метели ему почудился странный звук: глухой удар, словно кто-то тяжелый прыгнул с телеги. А затем — скрип снега под осторожными шагами. Шуршик замер. Из белой круговерти вынырнула высокая фигура в длинном, расшитом звездами тулупе. На голове незнакомки была надета шапка-ушанка с рогами (что сразу расположило чертенка), а за спиной виднелся огромный мешок.

Это была Ведьма Аграфена, местная травница и мастерица на все руки. Она возвращалась домой после обхода дальних хуторов, где лечила заболевшую скотину. Дорогу замело, и она решила сделать привал на старом перекрестке четырех дорог — Месте Силы, которое ведьмы да колдуны уважают.

Аграфена деловито стряхнула снег с валенок, достала из саней небольшой деревянный ящик и поставила его прямо на утоптаный снег. Ящик этот был особенный: внутри лежала бутылка домашней сливовой настойки (которую в народе просто звали «водкой»), завернутая в пуховый платок, чтобы не остыла, и чугунок с еще теплыми пирожками с капустой и грибами. Это было традиционное подношение духам перекрестка и мелкому лесному народу, чтобы путь был легким.

Шуршик, учуяв аппетитный аромат грибов и спирта, забыл про всякий страх. Его живот предательски забурчал. Он тихонько выбрался из сугроба и, крадучись, как воришка, подобрался к ящику. Заглянул внутрь одним глазком и ахнул. Забыв о приличиях, он сунул в рот целый пирог, обжегся, запил глотком сладкой настойки прямо из горлышка и блаженно зажмурился.

Тепло мгновенно разлилось по всему телу. Жизнь снова стала прекрасной!

Ведьма, которая все это время наблюдала за ним из-под опущенных ресниц, усмехнулась в варежку и громко кашлянула.

Чертик подпрыгнул на полметра вверх от испуга, перевернув бутылку.

— Ты чего безобразничаешь? — строго спросила Аграфена, хотя глаза ее смеялись. — Кто же так угощение принимает? Хоть бы поблагодарил.

— Отблагодарю, Агрофенушка! — пролепетал Шуршик, отряхиваясь от крошек. — Замерзаю я. Совсем заблудился.

— Вижу, что заблудился, горе луковое. Куда ж ты летел-то в такую непогоду?

— К братьям... На шабаш...

— Ну какой шабаш, когда метель? Давай-ка ко мне. Переночуешь, обсохнешь, дорогу покажу. У меня печь натоплена, щи томятся. А то вон какой синий стоишь, смотреть страшно.

Стыдно было Шуршику признаваться, но предложение звучало мечтой. Он кивнул и шмыгнул носом.

Так и поселился Чертик Шуршик у Ведьмы Аграфены. Дом у нее был добротный, на краю леса. И началась у чертика новая жизнь, совсем не похожая на прежнюю кутерьму с братьями.

Утром Аграфена топила баню, и Шуршик помогал ей носить воду из колодца — ведро за ведром. Днем он сидел на теплой печной трубе и следил, чтобы дым шел ровно, а искры не вылетали наружу. А по вечерам помогал Аграфене в ее колдовских делах.

У Аграфены была огромная библиотека старинных книг и рукописей. Свитки постоянно норовили развернуться, страницы переворачивались сами собой от сквозняка, а чернила в чернильнице высыхали слишком быстро.

— Шуршик! — просила ведьма. — Опять книга закрылась! Держи страницу!

И маленький чертенок, используя свои цепкие лапки и силу природной Магии, аккуратно придерживал корешок книги или создавал вокруг стола защитный купол от ветра, пока хозяйка переписывала сложный рецепт зелья для здоровья и долголетия. Он стал незаменимым помощником, хранителем порядка в доме и лучшим другом одинокой ведьмы.

А тот самый перекресток, где они встретились, Аграфена теперь называла «счастливым поворотом». И каждый год в ночь перед Рождеством она оставляла всем со своим другом там угощение в благодарность за то, что их свела там судьба. На угощения прилетали лесные духи и бесята, и устраивали веселую пирушку!

Церковный бес и спасение батюшки

В одном тихом селе, у самой околицы, где вековые липы склоняли свои ветви к земле, а воздух пах медом и скошенной травой, стояла белокаменная церковь. Не новая, с иголки, но и не ветхая — она помнила еще прадедов нынешних стариков. Служил в той церкви отец Тихон, человек незлобивый, с глазами цвета пасмурного неба и бородой, в которой уже серебрилась ранняя седина. Жил он при храме одиноко, в маленьком домике за оградой, находя утешение лишь в молитве да в вечернем чае с вареньем из крыжовника.

Но пришла беда, откуда не ждали. То лето выдалось на редкость засушливым. Солнце палило так жаростно, что даже земля трескалась от жажды. И вот однажды, во время вечерней службы, когда последние лучи заката окрасили витражи в багрянец, случилось страшное. В притворе, где хранились старые еловые лапы для кадила, пошла искра. Быть может, упала свеча, или сухое дерево само решило вспыхнуть факелом — кто теперь скажет? Огонь, почуяв свободу, рванулся вверх по сухим доскам с голодным ревом.

Отец Тихон услышал странный гул, обернулся и увидел стену пламени, пожирающую иконостас. Жар ударил в лицо, заставив отшатнуться. Он кинулся было тушить, схватил ведро, плеснул водой — тщетно. Пламя только рассмеялось ему в ответ, обдав волной раскаленного воздуха. Дым повалил густой, черный, едкий. Он заполнил все пространство, лишая возможности видеть и дышать. Отец Тихон упал на колени, чувствуя, как сознание мутится. Перед глазами поплыли круги, ноги стали ватными. Он понял: это конец. Воздуха больше нет, а дверь отрезана стеной огня. Последнее, что он видел сквозь сизую пелену, был строгий лик Николая Чудотворца на большой храмовой иконе.

А за этим самым ликом, в глубокой тени резной деревянной рамы, жил свой, особый обитатель. Церковный бес. Был он не злой, а озорной — любил путать подрясники, прятать кадило перед службой, скрипеть половицами в пустом храме по ночам, чтобы люди проходящие боялись. Так они и жили: отец Тихон молился, а черт иногда хулиганил. Но то были игры, старая добрая традиция.

Увидев, как падает на пол Тихон, задыхаясь в дыму, черт замер. На мгновение его маленькие глазки-бусинки расширились от ужаса. Это была уже не игра. Это была настоящая смерть.

У беса возникла жалость к этому неуклюжему человеку, который всегда оставлял ему — то чарку водки, то плюшку, то блюдо со сливками после службы. Надо было действовать.

— Ах ты ж... горемычный! — прошипел бесенок, спрыгивая со своего наместа прямо сквозь икону, словно через туманную завесу.

Он кубарем скатился вниз, уворачиваясь от падающих горящих углей. Подбежав к отцу Тихону, который уже лежал ничком, потеряв сознание, черт ухватил его своими когтистыми лапами за ворот рясы. Ткань затрещала, но выдержала. Силища у этого мелкого беса оказалась поистине нечеловеческая. Он потащил тяжелое тело священника по полу, отпихивая ногами тлеющие головешки, пробиваясь к выходу. Глаза слезились от дыма, шерсть дымилась, но он упрямо волок свою ношу, бормоча проклятия огню.

Последним рывком он выволок отца Тихона на паперть, под спасительный дождь, который наконец-то собрался над селом. Капли застучали по горячей крыше, шипя и превращаясь в пар. Священник судорожно вдохнул влажный, прохладный воздух, закашлялся и открыл глаза. Над ним склонилось чье-то смутное, рогатое очертание, которое тут же метнулось обратно в клубы дыма, скрывшись в дверном проеме.

Пожар потушили общими усилиями всей деревни. Церковь выгорела изнутри дотла, остались лишь каменные стены. Но главное — люди были целы. Когда отец Тихон пришел в себя в доме сердобольной соседки, первое, о чем он спросил, было:

— А кто меня вынес?

— Да сам Господь вынес, батюшка, руками ангела-хранителя, — крестясь, отвечала та.

Священник качал головой. Он помнил шершавые руки, хватавшие его за шкурку, и юркую темную тень. Нет, это был не ангел. Это был тот самый шалун, что вечно прятал его ключи.

Начались долгие месяцы восстановления. Мужики таскали бревна, женщины белили стены, каждый старался, как мог. Когда новый иконостас был готов, и на свое законное место вернулась большая икона Николая Чудотворца, священник сделал то, чего никогда не делал ни один священнослужитель.

Вечером, когда все разошлись, он достал из погреба холодную бутылку вишневой наливки и положил на тарелочку свежую плюшку с маком. Он подошел к иконе, посмотрел на суровый лик Святителя, потом перевел взгляд чуть выше, туда, где в тени резных завитков притаилась маленькая фигурка.

— Ну, выходи, спаситель мой, — тихо позвал он.

Из-за иконы осторожно высунулась любопытная черная мордочка с рожками и пяточком.

— Вот тебе, братец, благодарность моя. Не чаял я тебя живым увидеть, думал, сгоришь там вместе со мной. Никогда не забуду, что спас меня от смерти страшной.

Отец Тихон поставил стакан с наливкой и плюшку на аналой под иконой и молвил:

— Знаешь, говорят, «не так страшен черт, как его малюют». А ведь правдивее слов и не сыщешь. Ты мне жизнь спас, не каждый бы человек решился. Видать, в вас, как говорят — нечистых, душа с добром есть.

Черт, осмелев, вылез целиком. Он понюхал наливку, хмыкнул, а затем ловко цапнул плюшку. Усевшись на край аналая, он принялся уплетать угощение, поглядывая на батюшку с улыбкой. С тех пор так и повелось. После каждой воскресной службы отец Тихон ставил за икону Николая Чудотворца маленькую чарочку и сладкое угощение. Иногда это была плюшка, иногда леденец, а порой блюдечко сметаны или меда. И каждый раз оттуда слышалось довольное сопение.

В деревне удивлялись, почему у батюшки всегда такое хорошее настроение, несмотря на пережитый ужас. А он лишь улыбался в бороду. Он знал один маленький секрет. Он понял простую истину: мир не делится на черное и белое, на святых и грешников. Границы добра и зла порой стираются в огне, и тот, кого принято бояться, может оказаться единственным, кто протянет руку помощи в самую страшную минуту. И хотя бесенок продолжал иногда по старой привычке прятать его ключи и запутывать четки, делал он это по-дружески, напоминая им обоим о том дне, когда они стали кем-то общим и большим, чем просто священник и церковный бес.

Как Асилия и Вихрь поженили колдуна Игоря и ведьму-красавицу Оксану

В дремучем бору, где папоротник цветет огненным цветом лишь раз в году, а луна в купальскую ночь светит ярче всякого факела, на заросшем мхом перекрестке двух лесных дорог встретились они. С одной стороны, из чащи, где пахло сырой землей и озерной тиной, вышла чертовка Асилия — помощница колдуна Игоря. С другой — из вихря сухой листвы и болотных огоньков выкатился Вихрь, юркий и быстрый слуга молодой красавицы-ведуньи Оксаны.

Асилия была духом строгим, но справедливым. В ее обязанности входило следить за котлом с варевом из лягушачьих лапок, вовремя подавать Игорю его любимый посох из корня мандрагоры и отгонять от избышки надоедливых путников. Игорь был колдуном хоть и сильным, но необщительным. Он вечно бормотал заклинания себе под нос, никогда не смеялся и считал, что любовь — это лишь досадная помеха для концентрации магической силы.

Черт Вихрь был ветром, заключенным в плоть: быстрый, озорной и неуловимый. Он служил Оксане — самой прекрасной ведьме в тех краях. Оксана умела варить разные зелья так, что от одного их запаха цветы начинали петь серенады, а сама при этом была холодна как лед. Она отвергала всех женихов — никто ведьме не был по нраву. Вихрь знал — такой гордой красавице нужен в мужа равный по силе и духу.

Асилия и Вихрь встретились ровно в полночь.

— Чего это ты тут делаешь? — первой нарушила тишину Асилия, уперев руки в бока. Ее хвост с кисточкой на конце нервно постукивал по старому пню.

— Да вот, хозяйку выгуливаю, — хмыкнул Вихрь, поправляя невидимую шляпу. — А ты чего не спишь? Твой-то колдун небось опять над своими свитками чахнет?

Слово за слово, и завязалась у них беседа. Асилия пожаловалась на то, что Игорь совсем забыл вкус жизни: вместо меда пьет отвар из мухоморов для ясности ума, а вместо веселья устраивает грозы над соседней деревней.

— А моя Оксанка? — вторил ей Вихрь. — Она такая красивая! Глаза как звезды, коса до пят! Но сердце у нее каменное. Ходит по лесу, травы собирает, а на меня даже не смотрит. Говорит: «Вихрь, не мельтеши!».

Они стояли под полной луной и смотрели друг на друга. Асилия вдруг поняла, что этот вертлявый чертяка ей симпатичен своей неумной энергией. А Вихрь увидел в строгой чертовке родственную душу — такую же уставшую от одиночества и чужой тоски.

— А что, если... — задумчиво протянула Асилия, щуря желтые глаза. — Что, если мы их... познакомим? По-настоящему?

— Свести? — оживился Вихрь. — Это же гениально! Но как? Они же оба гордые! Игорь ни за что не пойдет к ведьме первым, а Оксана даже на порог его не пустит.

И тогда они придумали план.

На следующий вечер Асилия подлила Игорю в вечерний отвар не только корень валерианы для сна, но и каплю особого настоя из лунных цветов. Колдун выпил зелье и тут же впал в странное состояние: ему стало сниться одно и то же. Каждую ночь он видел во сне прекрасную деву с русой косой, которая пела песни у лесного озера и плела венки из незабудок.

Просыпаясь утром, Игорь был мрачнее тучи.

— Что с тобой? — ворчала Асилия, подметая пол от рассыпанных трав. — Ты какой-то... мечтательный стал.

— Молчи! — рычал колдун. — Мне снятся странные вещи... Я должен найти ее! Асилия лишь загадочно улыбалась.

Тем временем Вихрь выполнял свою часть плана. Он знал все тайные тропы Оксаны. Когда она отправилась на дальнее болото за редким папоротником (тем самым!), Вихрь поднял такой ураган из комаров и стрекоз, что Оксана сбилась с пути.

— Вихрь! Прекрати немедленно! — кричала она, закрывая лицо рукавом от летящей листвы.

Но ветер лишь усилился и потащил ее прочь от болота — прямо к старой мельнице на краю владений Игоря.

Там уже все было готово. Асилия развесила по кустам светлячков, а сам Игорь (которого чертовка буквально вытолкала из избы) стоял посреди поляны с посохом в руках и хмурился. Он ждал «ту самую» из сна.

Оксана вышла из зарослей орешника, отряхивая платье от паутины. Увидев Игоря, она замерла. Перед ней стоял могучий чародей с пронзительным взглядом.

— Ты кто? — спросила она строго.

— Я тот, кто ищет тебя во сне уже неделю, — неожиданно для самого себя выпалил Игорь. Слова сами слетали с языка под действием чар Асилии.

Оксана удивленно подняла бровь. Никто не смел с ней так говорить.

— Ты заблудилась? Я могу вывести тебя к твоему дому... если ты согласишься выпить со мной чаю из самовара.

Это было неслыханно! Но чары лунного цветка делали свое дело: сердце Оксаны дрогнуло. Она согласилась.

С того дня жизнь в лесу изменилась. Игорь и Оксана стали неразлучны. Они вместе варили зелья (у них получались самые мощные эликсиры удачи), вместе летали на метлах наперегонки с ветром и вместе помогали путникам выбраться из чащи.

Вихрь и Асилия наблюдали за ними со стороны и радовались своему успеху.

Но однажды Игорь решил на серьезный шаг.

— Оксана, — сказал он как-то вечером у костра. — Ты перевернула мой мир вверх дном. Я больше не хочу быть одиноким колдуном в лесной глуши. Выходи за меня замуж!

Оксана лишь рассмеялась своим звонким смехом и бросилась ему на шею.

Свадьбу решили играть на Ивана Купалу — прямо там же, на лесном перекрестке.

В назначенный день лес гудел от гостей: пришли лешие с дарами ягод, кикиморы принесли лучшие водоросли для праздничного стола, а домовые украсили поляну светящимися грибами. Пришли и люди со всей округи, принесли дары, помня, как им и их родным помогали Оксана и Игорь.

Игорь был одет в парадный кафтан из бархата цвета ночи, а Оксана сияла в белом сарафане, расшитом полевыми цветами.

Когда жрец-ворон объявил их мужем и женой и они поцеловались под восторженные крики гостей, случилось нечто невероятное.

Вихрь посмотрел на Асилию. Та стояла чуть поодаль, поправляя венок из ромашек на своих рожках (она все-таки решила принарядиться). Их взгляды встретились над головами счастливой пары.

В этот миг все чары мира словно сконцентрировались в одной точке. Вихрь осмелел как никогда прежде. Он подошел к Асилии и протянул ей лапу.

— Асилия... Ты сегодня невероятно... строга и красива одновременно. Не окажешь ли мне честь?

Асилия сначала хотела фыркнуть и сказать что-нибудь колкое про его вечную суетливость. Но вместо этого она вложила свою когтистую руку в его ладонь.

— А знаешь что? Окажу! Ты мне нравишься, чертяка!

И пока колдун Игорь обнимал свою ведьму Оксану, обещая любить ее вечно среди звездных туманностей, чертовка-помощница Асилия и черт-помощник Вихрь закружились в своем первом танце прямо посреди праздничной поляны.

Так они все и зажили счастливо. Колдун с ведуньей поселились в большом тереме на опушке леса, а их верные помощники — теперь уже муж и жена — продолжали им верно служить. Только теперь у них было гораздо больше поводов для радости: ведь когда любишь сам и видишь счастье других, любая работа спорится, а самый густой лес кажется светлым садом.

Как толстая Фекла похудела

В одной деревне, на самом краю у дремучего леса, жила-была девица Фекла. Была она душой добрая, лицом румяная и смехом звонким обладала таким, что даже воробьи на плетне заслушивались. Одно было горе у Феклы — страсть как любила она сдобные булки. Не просто любила, а обожала до самозабвения.

Как утро начнется — первая мысль о пышке с маком. В полдень — расстегай с рыбой мерещится. А к вечеру так пирогами с капустой объедалась, что еле до лавки доползала. От такой жизни стала Фекла не то чтобы полной, а прямо-таки круглой, словно кадушка. Щеки — алые яблоки, талия — где-то там, за спиной прячется.

И была бы беда невелика, да только в ту пору женихи пошли привередливые. Им подавай стройных, чтоб через забор одним прыжком могли сигануть. Увидят Феклу, поклон отвесят и бочком-бочком от нее отходят. «Феклуша, — говорят, — ты нам как сестра родная! Как же мы на тебе жениться будем? Мы ж тебя поднять не сможем, надорвемся!».

Обидно это Фекле было до слез. Она переживает, плачет тихонько в подушку, а потом идет к квашне — тесто месить.

«Ну их, этих женихов», — думает, а сама каравай огромный из печи тащит. Замкнутый круг получился: чем больше отказывают, тем больше булок ест.

Настал день Ивана Купалы. Вся деревня на луг высыпала: костры жгут, хороводы водят, песни поют. Главная забава — прыгать через огонь парами. Парни девушек выбирают, хватают покрепче — и раз! — через пламя перелетают. Веселье, визг, искры в небо!

Смотрит Фекла на все это веселье из-за кустов сирени. Сердце щемит. К ней никто не подходит. Все ее подружек худеньких уже расхватали. Стоит она одна-одинешенька, огромная, как копна сена, и такая несчастная. Не выдержало сердце девичье — бросилась Фекла бегом в лес, лишь бы никто не видел, как она ревет белугой.

Забегала она в самую чащу, упала на мягкий мох под старой елью и давай слезы лить. Плачет-причитает:

— Ох, доля моя горькая! И красивая я, и добрая, а счастья нету! Никто меня не любит, все стороной обходят... Видать, век мне вековать в девках, пока эти булки меня совсем не задавят!

А надо вам сказать, что в том лесу, в дупле старого дуба, жили три бесенка: Сладушка, Хлавок и Ларшик. Были они создания мелкие, шkodливые, веселые. Услыхали они рев Феклы, переглянулись.

— Чего это она? — пискнул самый маленький, Сладушка, облизываясь. Он был сладко-ежкой похлеще самой Феклы.

— Ревет, — глубокомысленно заметил Хлавок, почесывая мохнатую коленку.

— Жалко девку, — вздохнул третий, Ларшик, который был самым ленивым и любил поспать после обеда. — Пропадет ведь. Красивая, а толку? Ее ж ни один парень не поднимет.

Вылезли они из дупла посмотреть. Глядь — лежит гора печали и всхлипывает.

— Эй, Фекла! — крикнул Сладушка. — Ты чего сырость разводишь?

Подняла Фекла зареванное лицо, увидела чертенят, испугаться хотела, да сил нет.

— Замуж хочу, жениха любимого...

— Жениха — это дело поправимое, — деловито сказал Хлавок. — Но тут без Магии не обойтись. Есть у нас план. Поможем мы тебе, но уговор строгий: слушаться нас беспрекословно!

Фекла закивала головой так энергично, что листья с ветки посыпались.

— Согласная я! На все согласная!

Тут и началась у Феклы новая жизнь с бесятами.

Первым делом взялся за дело Сладушка. Он знал толк в соблазнах. Сидит Фекла вечером, чай пьет, а перед ней блюдо с плюшками паровыми. Только руку протянет — бац! Сладушка из-под стола выскакивает, плюшку — цап! И обратно нырь.

— Это мое! — пищит. — Я первый увидел!

Так он ей всю ночь спать не давал, вырывая еду прямо изо рта. Через неделю возненавидела Фекла сладкое хуже горькой редьки. Лишь увидит булочку — сразу тошно становится, Сладушку вспоминает.

Другое взял на себя Хлавок. Гонять он любил. Выгонял он Феклу в поле за земляникой или в лес по грибы.

— Сто ягод собрала — можешь домой идти! — командует.

А сам сидит на пеньке, считает. Фекла ползает по траве, ягоды ищет, наклоняется-разгибается. Целыми днями на свежем воздухе да в движении.

А когда вечер наступал, вступал в силу Ларшик. Его задача была самая важная — режим. Как солнце садилось, он начинал Фекле глаза тереть и зевать во весь рот.

— Спать пора! — басил он. — Никаких ужинов! Сон — лучшее лекарство на свете!

Укладывал он ее строго в девять часов вечера. Никакие уговоры про «чайку попить» не действовали.

Прошло время и наступил праздник — Радогощь (*осеннее равноденствие — прим.*). На лугу уже начинались гулянья, был пир и жгли костры. Вышла Фекла на деревенский луг. Узнать ее нельзя! Стала она статной, как березка белая. Талия тонкая пояском перетянута, коса толщиной с кулак, походка легкая.

Все парни ахнули. А самый видный кузнец, Прохор, который раньше не смотрел в ее сторону, подошел, шапку снял.

— Феклуша... Неужто это ты? Какая ж ты... лебедушка!

Хотела Фекла смутиться, да некогда было. Подхватил ее Прохор сильными руками, прижал к себе (и удержал!) и повел к самому высокому костру. Разбежались они — и перелетели через огонь так красиво, что вся деревня захлопала.

Свадьбу сыграли богатую. А на почетном месте, за печкой, посадили трех маленьких гостей. Для них всегда стояла отдельная трапеза с наливками ягодными, свежими сливками, горка самых вкусных медовых пряников и разные лакомства.

Потому что добро нужно помнить, кто бы его ни сделал — человек ли, ангел или вот такие три веселых бесенка.

Посвящения в Вальпургиеву ночь

В ночь с 30 апреля на 1 мая, когда грань между мирами истончается до прозрачности, а нечистая сила получает полную свободу, в самом сердце Дремучего Леса, на поляне, начиналось то, ради чего юные девицы целый год учили заговоры и собирали травы.

Начиналась Вальпургиева Ночь — Ночь Великого Посвящения.

В этом году Посвящения ждали три подруги: гордая и смелая Варвара, мечтательная и чуткая Любава и хитрая, острая на язык Радмила. Они были ученицами старой ведьмы Ягины, которая привела их к краю поляны. Вокруг, словно звезды, упавшие на землю, горели сотни костров. Воздух был густым, сладким и пах жженой полынью, медом диких пчел и озоном от молний, что сверкали в беззвездном небе.

— Слушайте меня, девоньки, — прошептала Ягина, и ее глаза блеснули молодо и хищно. — Сегодня вы не просто ученицы. Сегодня вы станете частью Великого Круга. Вас ждет Бал. Не бойтесь. Там нет зла в том смысле, о котором думают люди. Там есть Сила. Примите ее, и она станет вашей сутью.

С первым ударом колокола, который прозвенел прямо в воздухе, земля дрогнула. Из-за деревьев, из-под корней, из клубов тумана начали появляться гости.

Это был не просто слет нечисти — это был Великий Бал. Бесы всех мастей и рангов слетались на праздник. Здесь были юркие шишиги в лохмотьях из мха, что водили хороводы вокруг костров; важные лешие в нарядах из дубовой коры; кикиморы в платьях из тины, увитых светлячками. Но главными гостями были бесы — духи-хранители, которые искали себе ведьму.

Бал открылся диким, завораживающим танцем. Музыки не было слышно, но ритм отбивали сами небеса ударами молний. Бесы и молодые ведьмы кружились в безумном хороводе над поляной. Варвара, самая смелая, первой шагнула в круг. К ней тут же метнулся огненный вихрь — бес по имени Искр. Он был быстр, горяч и непостоянен.

— Ты! — пискнул он. — Ты не боишься обжечься? Я буду твоим пламенем!

— А я буду твоей рукой! — дерзко ответила Варвара.

Любава стояла в стороне, закрыв глаза от восторга и страха. К ней бесшумно подкрался бес Шелест. Он был соткан из теней и ночных звуков.

— Ты слышишь их? — прошептал он ей на ухо голосом ветра в листве. — Ты слышишь песню каждой травинки? Я — голос Леса. Я буду твоими ушами.

Любава лишь кивнула, и Шелест обвился вокруг ее запястья невидимой лентой.

Радмила же действовала хитростью. Она сделала вид, что спотыкается, и чуть не упала прямо в костер. Но ее ловко подхватили когтистые, но сильные лапы огромного, похожего на медведя беса по имени Глыба.

— Осторожнее, красавица! — пророкотал он. — Разобьешь свою хитрую головку, кто тогда будет меня развлекать?

— Только если ты пообещаешь быть моей опорой и защитой, — промурлыкала Радмила.

— Договорились! — громыхнул Глыба.

Так завершился Бал. Три юные ведьмы обрели своих бесов-помощников. Но Посвящение еще не закончилось.

Когда первый луч рассвета коснулся верхушек елей, Великий Круг распался. Настало время Колдовского Ремесла. Каждая ведьма должна была доказать свою силу в паре с бесом.

Варвара с Иском поднялись на самую высокую скалу над лесом. Их задачей было вызвать утреннюю грозу.

— Давай! — крикнула Варвара, раскинув руки.

Искр вспыхнул у нее в груди яростным жаром. Он вплетал свою огненную энергию в заклинания Варвары. Она читала древние слова призыва грома, а Искр раздувал искры в ее

голосе до небесного грохота. Небо потемнело за считанные секунды, сверкнула первая молния — не белая, а ослепительно синяя. Хлынул ливень такой силы, что лес внизу скрылся за стеной воды. Варвара стояла под струями совершенно сухая — Искр создал вокруг нее огненный кокон, испарявший капли.

В это время Любава с Шелестом спустились к подножию скалы, к ручью. Их задача была иной — исцелить старую березу, которую побил вчерашним ветром.

— Говори с ней! — шептал Шелест. — Слушай ее боль!

Любава прижалась ладонями к шершавой коре и закрыла глаза. Шелест зашептал ей на ухо все то, что слышала сама береза: треск сломанной ветки, боль в корнях от засухи. Любава запела древнюю песню-исцеление. Ее голос был тихим, но он проникал в самое сердце дерева. А Шелест направлял потоки силы от земли вверх по стволу. На глазах у изумленной Радмилы сухие ветви березы начали покрываться набухающими почками. Через минуту дерево стояло зеленое и полное жизни.

А Радмила с Глыбой... Их испытание было самым приземленным и самым важным для людей. Они пошли в ближайшую деревню.

Там у кузнеца только что умерла при родах жена, оставив ему новорожденного сына и еще двух голодных детей постарше. Кузнец был в отчаянии: младенец кричал от голода, а корова-кормилица издохла неделю назад.

Радмила вошла в хлев. Глыба встал у двери огромной тенью.

— Ну что, подруга? Проверим твою смекалку? — хмыкнул он.

Радмила не стала колдовать корову из воздуха — это было бы слишком просто и заметно для людей. Она лишь коснулась мертвого животного и прошептала наговор на молоко для младенца. Затем она взяла ведро...

— Глыба! Нужна твоя сила!

Бес легко поднял тушу коровы одной лапой и слегка встряхнул ее особым образом, как это делают с выменем. И случилось чудо: из сосков животного в ведро ударили тугие струи теплого парного молока.

— Хватит! — скомандовала Радмила.

Глыба опустил корову на место. Животное осталось мертвым для всех законов природы, но для нужд этой семьи оно послужит еще долго.

Кузнец смотрел на полное ведро молока и плачущую от счастья Радмилу с безмерной благодарностью.

К полудню три ведьмы снова собрались на поляне. Они были измотаны до предела: колдовство отнимает больше сил, чем самый тяжелый физический труд. Но они светились изнутри новой Силой.

Ягина смотрела на них с гордостью.

— Вы прошли Посвящение. Вы танцевали с тьмой и не испугались ее блеска. Вы творили Магию вместе со своими бесами в гармонии Света и Тени. Теперь вы — Ведьмы Великого Круга. И помните: ваша сила теперь неразрывно связана с вашими помощниками. Берегите их, а они будут беречь вас до самого конца.

И три новые ведьмы вместе со своими бесами — огненным Искром, тихим Шелестом и могучим Глыбой — растворились в лесной чаще, чтобы заниматься своим Ремеслом.

Красные перчатки богатства

В одном шумном купеческом городе, где пряные запахи специй с востока мешались с ароматом свежего хлеба, жил молодой купец по имени Елисей. Был он честен, трудолюбив, но удача в делах обходила его стороной. Товары его были хороши, да только в кармане вечно гулял ветер, а лавка стояла полупустая. Глядя на соседей, чьи сундуки ломились от золота, Елисей лишь тяжело вздыхал.

И вот однажды, в самый канун полнолуния, когда небо над черепичными крышами налилось тяжелым свинцом, а в воздухе запахло грядущей грозой, к нему в лавку заглянул странный гость. Одет он был в дорогой, но слишком темный кафтан, а глаза его блеснули. Незнакомец долго ходил меж полок, ничего не трогая, и лишь насмешливо шурился на Елисея.

— Что ж ты, купец, такой кислый? — наконец спросил он, облокотившись о прилавок. — Товар у тебя отменный, а мошна пуста. Неужто не знаешь секретов торгового люда?

Елисей лишь развел руками.

— Секреты? Я лишь знаю цену честности.

Гость ответил:

— Честность — товар дорогой, но не всегда ходовой. А вот магия... Магия всегда в цене. Слышал ли ты о силе красного цвета? Луна вот-вот станет полной, а это время — самое сильное для денежных чар. Купи себе красные перчатки. Не простые, а из тончайшей кожи. И как только получишь выручку за день — пересчитывай ее только в них. Золото любит красный цвет, оно к нему липнет, как пчелы к меду. Станешь богаче всех в городе. А в благодарность мне за совет — оставляй каждый четверг у крыльца дома самую большую золотую монетину и свежую булочку с медом.

С этими словами незнакомец растворился в сумерках так же внезапно, как и появился.

Елисей не спал всю ночь. Сомнения боролись в его душе с отчаянной надеждой. Но перед рассветом он все же отправился к лучшему кожевнику и заказал себе пару алых перчаток, таких ярких, что они никогда не видел.

С первыми лучами солнца он надел их. И чудо! В тот же день торговля пошла так бойко, что Елисей едва успевал отвешивать товар. Кошель его тяжелел с каждым часом. Придя домой, он дрожащими руками натянул перчатки и высыпал дневную выручку на стол. Пересчитывать монеты в алой коже было невероятно приятно: металл казался теплым и живым. А когда он закончил подсчет и убрал деньги в сундук, то с изумлением заметил: монет на дне оказалось больше, чем он только что положил.

Так пошло и дальше. Каждый день торговля кипела, а перед заходом солнца Елисей в своих красных перчатках пересчитывал деньги, и его состояние росло с каждым днем. Скоро он купил себе новый дом с высоким резным крыльцом и открыл вторую лавку.

И Елисей не забывал благодарить того загадочного гостя, как тот велел.

Каждый четверг, после захода солнца, он выходил на крыльцо своего нового дома. Он клал на нижнюю ступеньку самую большую золотую монету из своей выручки и рядом — свежую, еще теплую булку хлеба с щедрым слоем меда.

— Это тебе, кто помог мне найти путь к достатку, — шептал он в пустоту улицы.

Монета и булка исчезали до первых криков петухов.

Шли годы. Елисей стал самым уважаемым купцом в городе.

Его красные перчатки давно истлели от времени и пота ладоней и хранились, как память, а богатство его уже держалось на труде и честности, что была у Елисея с самого начала.

Говорят, если прийти к тому старому дому в четверг вечером и положить золотую монету и медовую булку у крыльца, можно почувствовать легкий сквозняк — словно кто-то невиди-

мый принимает подношение и благодарно кивает из темноты. После этого, считается, человеку повезет в деньгах.

Святочные колядки Фильки

В самую таинственную ночь в году, когда над заснеженными крышами села зажигались первые звезды, а морозный воздух звенел от предвкушения чуда, а колдунья Арина Кондратьевна распахнула тяжелую, обитую железом дверь своей покосившейся избы и, поправив на плече шаль с кистями, глянула на своего помощника.

— Ну что, Филька, — сказала она, и пар от ее дыхания за клубился в лунном свете. — Слышишь, как поют? Как бубенцы звенят? Иди. Гуляй.

Филька, молодой бесенок с хитрыми зелеными глазами и парой маленьких рожек, которые он обычно прятал под шапкой, от удивления чуть не сел в сугроб. Его отпустили? Просто так? В Сочельник?

— А... а коли поймают? — осторожно спросил он, переминаясь с копытца на копытце. — Я ж того... нечистый.

— А ты не будь дураком! — отрезала Арина. — Облик прими. Вон, в сундуке тулуп новый лежит, кушак красный. Лицо у тебя смазливое, когда не корчишь рожи. Будешь колядовать. Гляди только, чтоб хвост не отморозил и в прорубь не нырнул от избытка чувств. К утру, чтоб был тут как штык!

Фильке дважды повторять не пришлось. Он стрелой метнулся в сени, нацепил на себя все самое яркое: тулуп с чужого плеча, который был ему великоват, подпоясался алым кушаком и нахлобучил шапку на самые глаза. В карман сунул горсть конфет — для отвода глаз. И выскочил на улицу.

Мир преобразился. Воздух пах хвоей, печным дымом и чем-то неуловимо сладким — предвкушением праздника. Филька вдохнул полной грудью и побежал к центру села, откуда уже доносились звонкие голоса и переливы гармошки.

На главной площади собралась вся молодежь. Парни и девушки ходили от дома к дому огромной шумной толпой. Филька влился в этот поток так ловко, будто всю жизнь только этим и занимался.

— Коляда-маляда! Отворяй ворота! — заголосил он громче всех, когда они подошли к добротному дому старосты.

Дверь распахнулась, и на пороге появилась румяная девица с ведром. Она окинула взглядом толпу колядующих и остановилась на Фильке. Бесенок, почувствовав на себе ее взгляд, приосанился и улыбнулся самой обаятельной из своих улыбок.

— Ой, какой красавчик! — ахнула девица и щедро сыпанула ему в мешок конфет и пряников.

Весь вечер Филька был душой компании. Он знал все песни — бесята подслушивают иногда людские секреты. Он знал все частушки — самые озорные, от которых девки краснели, а парни хохотали до упаду. Он так лихо отплясывал в кругу у костра, что искры летели до самого неба, а снег под его валенками таял до самой земли.

Он зашел в каждый дом. В одном его угостили пирогами с капустой, в другом — горячим сбитнем из душистых трав Арины (он узнал свой товар!). Он видел, как старики тайком крестились на иконы, глядя на его бесовскую пляску, но списывали все на молодецкую удаль и выпитую медовуху.

Но самое главное веселье началось позже. Когда луна поднялась в зенит, молодежь повела его «смотреть звезды» за околицу. Там, на укромной поляне у замерзшей реки, уже пылал огромный костер.

Филька чувствовал себя почти человеком. Почти... Пока одна бойкая вдовушка не начала с ним шутливо бороться у костра. В пылу игры она случайно сдернула с него шапку.

В толпе повисла тишина. Все уставились на его макушку.

— Ой... — тихо пискнула вдовушка.

На голове у «симпатичного паренька» красовались два аккуратных черных рожка.

Филька замер. Сердце ухнуло куда-то в копыта. Сейчас начнется крик: «Нечистый!», полетят камни или того хуже — осиновый кол...

Но вместо этого кто-то из парней громко расхохотался:

— Тю! А я думал! Это ж ты кудри свои бараньи под шапку спрятал! А мы-то гадаем!

— Точно! Кудрявый! — подхватил другой голос.

— Эх ты, кудряш! — засмеялась вдовушка и легонько щелкнула его по носу.

Напряжение спало. Все снова загомонили, засмеялись. Рожки приняли за модную прическу или просто за игру теней от костра. Филька выдохнул так шумно, что чуть не погасил пламя. Он быстро натянул шапку обратно и для убедительности потряхнул головой:

— Да это я так... для смеху!

Он гулял до третьих петухов. Пил медовуху из общих кружек (от водки он благоразумно отказался), целовался под омелой (от этого он отказаться не смог) и чувствовал себя самым счастливым созданием на свете. Он понял людей: их радость была такой заразной и настоящей, что его бесово сердечко билось чаще обычного.

Когда небо на востоке начало едва заметно сереть, он со всех ног помчался обратно к избе Арины Кондратьевны.

Колдунья уже ждала его на крыльце. Она молча оглядела его помятый тулуп, разгоряченное лицо и сияющие глаза.

— Ну что? Нагулялся? — с улыбкой спросила она.

— Ох, нагулялся! — выдохнул Филька, падая на ступеньку рядом с ней. — Матушка Арина... это ж... это ж какое чудо! Они такие... живые и веселые!

— Живые-живые... — засмеялась она, в ее голосе Фильке была теплота. — Иди спать уже, чудо-юдо рогатое. А то скоро служба начнется...

Филька шмыгнул носом последний раз и скрылся за дверью. А колдунья решила и дальше на праздники отпускать своего помощника погулять, ибо все у него получилось.

Злые завистницы

В одном селе, что раскинулось у самого края дремучего леса, жила-была девица по имени Василиса. Была она не просто хороша собой, а такова, что глаз не отвести: коса — что вороново крыло до пояса, глаза — как два лесных озера, а улыбка — яснее солнышка. И не в одной красоте дело: и в поле первая, и за прялкой мастерица, и песни пела так, что даже старый филин на сосне заслушивался.

Но где красота да доброта — там и зависть. Жили по соседству с Василисой две сестры — Акулина и Маланья. С виду вроде и не злые, а в душе — чернее дегтя. Все им не так: почему у Василисы сарафан краше? Почему женихи к ее воротам тянутся? Почему парни на нее смотрят, а на них — лишь как на пустое место?

Решили они Василису со свету сжить, да не топором или словом злым, а хитростью.

— Давай-ка мы ее в лес за малиной пошлем, — прошептала Акулина, шуря маленькие глазки. — В самую чашу, где сам Леший бродит. Там ее и след простынет.

Сказано — сделано. Подошли они к Василисе, когда та белье на речке полоскала.

— Слышь, красавица, — сладко пропела Маланья, — говорят, за Черным оврагом малина уродилась — с кулак! А мы-то боимся идти. Сходи ты, а? Тебе-то все нипочем.

Василиса лишь плечами пожала. Чего ж не сходить? Взяла она лукошко и пошла тропкой знакомой.

Но только ступила она за поворот, как кусты перед ней расступились, и вышел навстречу старичок-лесовичок: борода до земли, глаза хитрые.

— Знаю я, девица, куда тебя две сестрицы ненаглядные послали. Не ходи ты туда. Там топь непролазная, зверь лютый. Я тебе помогу.

Взял он из ее рук лукошко, дунул на него три раза и вернул.

— Теперь слушай меня внимательно. Как вернешься, отдай им это лукошко. Что бы они тебе ни говорили, что бы ни делали — молчи и улыбайся.

Вернулась Василиса к вечеру, лукошко полное малины несет. Сестрицы аж затряслись от злости: жива! И малина есть!

— Ну-ка, ну-ка, покажи! — Акулина выхватила лукошко.

Только она крышку подняла, как из лукошка повалил густой туман. Он окутал сестриц с ног до головы, и тут же их платья превратились в лохмотья, а лица покрылись страшными бородавками и пятнами. Они попытались закричать на Василису, но изо рта у них вылетали только кваканье да карканье.

Не успели они опомниться, как их собственные ноги сами понесли их к дому местного кузнеца Фомы — самого завидного жениха на селе. Фома как раз во дворе подковывал коня.

— Гляньте-ка! — раздался голос из кустов (это Василиса спряталась). — Сами пришли!

Сестрицы хотели было убежать от стыда, но ноги их не слушались. Они подбежали к Фоме и начали перед ним кружиться в нелепом танце, пытаясь сделать реверанс, но спотыкаясь о собственные подолы.

Фома от удивления даже молот выронил. Народ со всей деревни сбегался посмотреть на это диво.

А лесовичок тем временем шепнул Василисе:

— Теперь пусть они сами свое варенье варят.

Сестрицы кинулись домой варить малину из того самого лукошка. Но стоило им развести огонь под котлом, как варенье начало бурлить и выплескиваться прямо на них. Липкая сладкая масса облепила их с головы до ног так крепко, что они прилипли друг к другу спинами и не могли расцепиться до самого утра.

На рассвете вся деревня вышла посмотреть на «сладкую парочку». Сестрицы стояли у своего крыльца, перемазанные вареньем, слипшиеся, и смотрели друг на друга с такой ненавистью, что даже мухи облетали их стороной.

Василиса же лишь улыбнулась им своей ясной улыбкой и пошла в поле рожь жать. А лесовичок погладил бороду и растворился в утреннем тумане, довольный своей работой: зло должно знать свое место и получать по заслугам.

С тех пор сестрицы в селе притихли. А если кто спрашивал их про то утро, они только мычали что-то невнятное и прятали глаза. Говорят, чтобы отлипнуть друг от друга окончательно, им пришлось неделю париться в бане да березовым веником хлестаться... Но это уже совсем другая история.

Мораль: Не рой другому яму — сам в ней окажешься.

Хозяйка старого кладбища

В некотором царстве, в некотором государстве, у самых его рубежей, где дремучий лес подступал к полям вплотную, стояла деревня. Жил в той деревне парень по имени Николай — статный, светловолосый и на диво любопытный. Не сиделось ему дома за сохой да ремеслом плотницким. Тянуло Николая к тайнам всяким, особенно к тем, что после заката творятся.

А на краю деревни, сразу за старым погостом, поросшим вековыми дубами и плакучими ивами, возвышалась заброшенная часовня. Место то считалось темным: днем там птицы молчали, а ночью огоньки странные мерцали. Старики строго-настрого запрещали туда ходить, грозя гневом Княжны Смерти — хозяйки того кладбища.

Но разве молодость слушает стариков? В одну безлунную ночь, когда туман стелился по земле густой молочной рекой, Николай решил проверить слухи. Накинул он тулуп, взял с собой лишь огниво да нож для строгания (на всякий случай) и пошел к старой ограде кладбища.

Перелез он через поваленный крест и замер. Тихо было так, что стук собственного сердца казался громом. Пробираясь между замшелых плит, Николай вдруг услышал голоса. Говорили не шепотом, а вполголоса, уверенные, что рядом никого нет. Парень притаился за широким стволом дуба.

У старого склепа, дверь которого была приоткрыта, горел небольшой костер. Вокруг него сидели пятеро здоровенных мужиков в лохмотьях — разбойники из шайки Ярого Волка. Николай затаил дыхание, вслушиваясь в их разговор.

— Завтра на рассвете, как только пастухи погонят стадо, — сипло говорил главарь, пересчитывая тусклые монеты, — мы войдем в деревню. Вы, двое, обойдете с тыла, зажжете амбар старосты. А вы трое — хватайте девок да добро из домов выносите. Кто сопротивляться будет — бейте без жалости. К обеду вернемся сюда с добычей, тут ее и поделим.

Николай похолодел. Это же его родная деревня! Его мать, отец, соседи... Он должен предупредить их! Но как пройти мимо этих зверей?

Он попытался осторожно отступить назад, но наступил на сухую ветку. Громкий хруст прозвучал в ночной тишине подобно выстрелу пушки. Разговоры смолкли. Главарь медленно повернул голову в сторону звука.

— Эй, кто там прячется? Выходи, хуже будет!

Сердце Николая ушло в пятки. Бежать было поздно — со всех сторон уже хрустели ветки под тяжелыми сапогами. Его окружили, схватили за шиворот и вытащили на свет костра.

— Глянь-ка, пацан деревенский! — осклабился один из бандитов. — Подслушивал, значит? Ну все, теперь тебе одна дорога — к праотцам. Негоже оставлять свидетелей.

Главарь достал из-за пояса длинный кривой кинжал. Лезвие хищно блеснуло в свете пламени. Николай зажмурился, ожидая удара. «Прости, мама», — успел подумать он.

Внезапно воздух вокруг стал ледяным. Костер, который только что весело потрескивал, словно подавился собственным дымом и погас, оставив лишь красные угли. На кладбище упала абсолютная, звенящая тишина. Даже сверчки умолкли.

Из тьмы, клубившейся над склепом, выступила фигура. Это была женщина невероятной красоты и такого же невероятного холода. Высокая, стройная, одетая в платье цвета воронова крыла, которое казалось сотканным из самой ночи. Ее длинные волосы были белее первого снега, а глаза... в глазах не было ни зрачков, ни радужки — лишь два глубоких провала в вечность. Это была она — Княжна Смерть.

Разбойники отшатнулись, побросав оружие. Их лица исказились ужасом сильнее, чем, если бы перед ними явилось целое войско.

— Как посмели вы, топтать мою землю и плести заговор против живых душ, что мне еще не принадлежат? — голос ее звучал не громко, но проникал в самую душу, вымораживая кровь. — Я храню покой мертвых. А вы пришли сюда с грязью и злобой живого мира.

Она сделала шаг вперед, и трава под ее ногами почернела и пожухла.

— Ты, — ее палец указал на главаря, — хотел пролить кровь завтра. Но я дарю тебе встречу со мной сегодня.

Главарь захрипел, схватившись за горло невидимыми руками. Лицо его посинело, глаза вылезли из орбит, и он рухнул на колени, а затем лицом в сырую землю. Остальные четверо попытались бежать, но ноги их будто приросли к месту.

Княжна перевела свой страшный взор на Николая. Парень дрожал всем телом, но почему-то страха смерти он не чувствовал. Был лишь благоговейный трепет.

— А ты... — ее губы тронула едва заметная улыбка. — Ты пришел сюда из глупого любопытства, но сердце твое чисто. Ты рисковал жизнью, чтобы спасти других. За это я тебя помилую.

Она взмахнула рукой, и путы ужаса, сковавшие Николая, спали. Он упал на колени, склоняя голову.

— О, великая...

— Иди, — перебила она. — Беги домой. Подними деревню. Пусть мужчины возьмут вилы и косы. Эти трусы больше никому не навредят. Они останутся здесь навсегда, сторожить мои владения.

Николай вскочил на ноги и, не чуя под собой земли, бросился прочь с кладбища. Он бежал так быстро, как никогда в жизни не бегал, крича во все горло:

— Люди! Вставайте! Разбойники идут!

Наутро деревня встретила грабителей во всеоружии. Мужики, вооруженные чем попало, повязали тех четверых, кто остался жив после встречи с Хозяйкой, и сдали их княжеской дружине.

С тех пор никто в деревне не смел обижать ни старых, ни малых, зная, что даже сама Смерть может встать на защиту справедливости. А Николай, хоть и перестал лазить по ночам куда не следует, до конца своих дней хранил в памяти тот взгляд — холодный, бесконечный, но милосердный. И каждый раз, проходя мимо кладбища, он тихонько кланялся темному лесу, благодаря ту, что подарила ему жизнь и спасла родной дом.

Праздник 31 января

В мире людей 31 января — это самый разгар зимы: вьюга воет в печных трубах, мороз рисует на окнах ледяные узоры, а день едва-едва успевает проснуться и тут же спешит спрятаться обратно за горизонт. Люди кутаются в тулупы, топят печи пожарче да ложатся спать пораньше.

Но стоит только большой луне взойти над верхушками самого старого леса, как мир меняется до неузнаваемости. Для тех, кого прозвали нечистой силой, духов и прочих обитателей потустороннего мира этот день — главный праздник года. Это Ночь Великого Сватовства, когда заключаются самые крепкие союзы. И самое главное правило этой ночи: никакого зла. В эту ночь даже самый лютый упырь обязан быть галантным кавалером, а кикимора — любезной хозяйкой.

В эту ночь играли свадьбы духи, черти, колдуны и ведьмы.

И те, кто уже был в браке, устраивал торжественные гуляния.

Все начиналось с подготовки нарядов. Ведьма Оксана, супруга колдуна Игоря, с которыми мы знакомы ранее, доставала из сундука сарафан, сотканный из тумана и лунного света. Игорь надевал кафтан, расшитый созвездиями Большой Медведицы. Их домовой уже третий час подряд наводил блеск на медные ручки дверей, чтобы гости могли оценить гостеприимство хозяев, а помощники Асилия и Вихрь подготавливали красоту на улице.

К ним прибывали друзья-колдуны и родственники. Из чащи, скрипя снегом, выезжали сани, запряженные тройкой белых волков.

Сам пир проходил шумно. На стол подавались яства невиданные:

Пироги с начинкой из северного сияния — они светились изнутри холодным огнем.

Соленые слезы русалок, собранные в полнолуние — от них щипало язык, но бодрило лучше любого чая.

Медовуха, настоящая на шишках железного дерева, что растет на границе миров.

Гости пели песни, от которых дрожали стекла в избах спящей деревни, и водили хоры воды вокруг костра, сложенного из столетних дубовых поленьев, которые горели зеленым пламенем без дыма.

Пока лесные колдуны пировали, другая часть гостей собиралась высоко в небе. Духи ветров — могучие Стриборжи, Борей, Полуденница и Зефир — готовились к своему ежегодному балу-полету. Они были свободолюбивы и непостоянны, но раз в год им тоже хотелось праздника.

Они собирались над самым высоким пиком Черных гор. Там, где облака цепляются за скалы, они выстраивались в величественный воздушный танец. Южный ветер приносил ароматы далеких южных морей, Северный — звенящую чистоту арктических льдов. Западный играл на невидимых струнах заката, а Восточный шептал тайны утренней зари.

Их свадьба была стремительной и прекрасной. Невеста — дух весеннего ветра — кружилась в белом платье из метели так легко, что казалось, она вот-вот растворится в воздухе. Жених — суровый зимний буран — укутывал ее плечи плащом из грозových туч. Вместе они создавали такую гармонию стихий, что внизу, в лесах, все звери затихали, слушая музыку небес.

А что же происходило там, где сходятся дороги? Обычный человек, оказавшийся в лесу в эту ночь, увидел бы лишь пустой заснеженный перекресток. Но для тех, кто умеет видеть, это было место великой силы.

На каждом таком перекрестке вырастали целые горы даров. Это была дань уважения Хозяевам дорог и судеб.

У корней старого дуба ведьмы оставляли крынки парного молока и чарку водки — для Лешего, чтобы он весь год не путал тропы.

На камне у ручья чертята выкладывали горки лесных орехов, перевязанных красными ленточками — для Водяного, чтобы сети были полны рыбы, а мельницы крутились исправно.

Путники и юные ведьмаки клали на пенек краюху свежего хлеба, посыпанную солью. Это был дар самому Путевику — духу, который решает, куда свернет твоя дорога жизни.

Никто не осмеливался взять эти подарки себе. Тот, кто позарился бы на угощение для духов, рисковал найти утром свою собственную дорогу заросшей бурьяном.

К рассвету все стихало. Гости разъезжались по своим владениям, оставляя после себя следы, которые исчезали с первыми лучами солнца. Колдун Игорь выносил спящую Оксану на руках в их опочивальню, украшенную светлячками. А духи ветров, уставшие от танцев, сворачивались клубочками в пушистых облаках и засыпали до весны.

Мир снова погружался в тишину. И только старый ворон на сухой сосне знал главную тайну этой ночи: союзы, заключенные 31 января, нерушимы. Потому что они скреплены не просто словом или кольцом, а самой Магией зимней волшебной ночи.

Купец Иван

В одной деревне, что раскинулась привольно на берегу быстрой речки Каменки, жил-был парень по имени Иван. Был он не ленив, силушкой богатырской обижен не был, но вот беда — голова у него была светлая, да только житейской хитрости в ней не водилось ни капли. Все-то у него из рук валилось не от неловкости, а от простоты душевной. Скажет ему отец: «Иди, Ваня, на базар, продай воз яблок», — так Иван их либо за бесценок отдаст первому встречному-поперечному, пожалеет того, или вовсе раздаст ребятишкам, потому что они вкусные.

Так и прозвали его соседи — Простак Иван. А парню обидно. Он ведь видит, как другие торгуются, прибыль имеют, дома новые ставят. А он как был в отчем доме, так и сидит, хоть и работает с утра до ночи.

Как-то раз, под самый Покров, собрался Иван в город большой, меха продавать. Отец добыл их целое богатство — лисиц чернобурых да соболей. Сложил все в мешки, снарядил сына и говорит:

— Смотри, Иван, это товар дорогой. Не продешеви. Ты там... это... ну, поторгуйся маленько.

Взял Иван товар, взгромоздил на телегу и поехал. Едет он лесом дремучим, кругом тихо, только снег хрустит. Вдруг слышит — голос из-под коряги старой доносится:

— Эй, добрый человек! Помоги выбраться, застрял я тут совсем!

Иван коня остановил, слез с телеги. Глядь — а под корягой-то не медведь и не волк, а чертенок сидит. Рожки маленькие, хвост голый, сам в тулупчик какой-то драный кутается.

— Ну чего смотришь? Руку давай! — бурчит черт.

Жалостливое сердце у Ивана было. Наклонился он, схватил черта за лапу (а она холодная-холодная!) и выдернул из-под снега.

— Спасибо тебе, человеке, — отряхиваясь, сказал черт. — Редко кто нам, нечистым духам, помогает без корысти. Проси теперь чего хочешь. Могу клад показать, могу удачу в карты подарить.

Помотал головой Иван:

— Не нужно мне клада. И в карты я не играю. А вот если бы ты мне помог научиться торговать умело, чтобы богатым купцом стать, век бы тебя добрым словом поминал.

Черт почесал рог, прищурился:

— Хм. Дело непростое. Торговля — это искусство обмана. Но... ладно. Люблю я честные сделки. Будешь слушать меня беспрекословно три раза, когда дело торговое решать станешь — разбогатеешь. А нет — так пеняй на себя. Согласен?

— Согласен! — выпалил Иван.

Хлопнули они по рукам. Черт испарился с дымком серным, а Иван дальше поехал, думая, не приснилось ли ему все.

Приехал он в город на ярмарку. Выгрузил меха, разложил. Ходят вокруг купцы знатные, бороды гладят, цены спрашивают. Один, самый важный, в шубе бобровой, подходит и говорит басом:

— Сколько просишь за всю партию, деревня?

Замер Иван. Вспомнил про уговор. И тут в ухо ему шепчет знакомый скрипучий голос:

— Первый совет: Назови цену втрое выше той, которую получить хочешь. Пусть думают, что ты дурак. Они начнут смеяться и предлагать свою цену. А ты стой на своем. Им станет стыдно перед народом жадными казаться, они и заплатят больше, чем хотели изначально.

Собрался Иван с духом и отвечает басистому купцу:

— За все вместе прошу триста рублей серебром.

Купец аж поперхнулся, шапка набок съехала.

— Что?! Триста?! Да ты, парень, белены объелся! Меха хорошие, спору нет, но цена им — сто пятьдесят! Вот тебе мое последнее слово!

Народ вокруг захихикал. Купец победоносно смотрит на Ивана. А Иван стоит спокойный, как дуб вековой, и повторяет:

— Нет, уважаемый. Менять не буду. Цена моя твердая. Хорош товар, редкий.

Покраснел купец. Неловко ему стало торговца молодого прилюдно обманывать. Махнул рукой:

— Эх, пропади оно все пропадом! Забирай свои двести восемьдесят! Только отвяжись!

Отсчитал деньги, забрал меха и ушел, бормоча что-то себе под нос. У Ивана глаза на лоб полезли. Денег — гора! Он домой вернулся, отцу отдал долю, а остальное спрятал.

На следующий год решил Иван снова торговать, уже зерном. Закупил рожь отборную, привез на рынок. Тут конкуренция страшная, все друг другу цену сбивают. Стоит Иван со своим мешком, а к нему перекупщик подбегает:

— Бери все зерно! По алтыну за пуд! Быстро, быстро!

Иван уж рот открыл согласиться — больно выгодное предложение для начала торговли. Но тут опять шепот в ухо:

— Стой! Второй совет: Никогда не спеши продать весь товар сразу одному покупателю, даже если цена кажется хорошей. Сделай вид, что сомневаешься. Скажи, что тебе надо посоветоваться с партнером, который сейчас на другом конце рынка. Партнер этот — я. Я тебе знак дам.

Перекупщик торопит, золотом бренчит. А Иван чешет затылок и говорит:

— Погоди-ка, мил человек. Мне брат наказывал не спешить. Сказал, придет скоро, решит. Дай подумать часок.

Ходит Иван по рынку туда-сюда. Видит — черт на крыше соседней лавки сидит, ногой болтает и пальцем вниз показывает. Понял Иван: цена вырастет. Ждал-ждал он, пока солнце высоко встало, зерно всем позарез понадобилось. Подходит к нему другой купец, посолиднее первого:

— Продашь ли рожь? Три алтына дам!

Тут черт на крыше палец вверх поднял и язык показал первому перекупщику.

— По рукам! — крикнул Иван.

Продал он зерно частями, разным людям, и выручил в итоге в два раза больше, чем планировал.

Прошло еще время. Разбогател Иван несказанно. Лавки построил, корабли торговые заказал заморские. Стал он купцом первой гильдии, уважаемым человеком. Но помнил он о своем долге.

Отправился он в дальний поход на своих кораблях, везти бархат персидский да пряности индийские. Попали они в шторм невиданный у чужих берегов. Корабль дал течь, команда ропщет, капитан говорит: «Бросать товар надо, спасти жизни! Утянет груз нас на дно!».

Смотрит Иван на тонущий корабль и понимает: прав капитан. Но жалко товар до слез, разорение полное будет. И тут сквозь вой ветра слышит он голос старого друга:

— Настал час платить по счетам. Третий совет: Иногда, чтобы спасти целое, нужно пожертвовать частью. Вели команде выбрасывать тюки с самым дешевым товаром за борт. Шторм утихнет, корабль облегченный выживет. А дорогой товар ты сохранишь. Люди запомнят твою решимость, а не потерю груза.

Закрыл Иван глаза, решил и отдал приказ. Десятки тюков с дешевой крашеной тканью полетели в бушующие волны. Команда ахнула, но повиновалась. И чудо свершилось: море, приняв жертву, успокоилось. Корабль дотянул до порта.

Вернулся Иван домой. Потери были велики, но основной капитал спасен. А слава о купце, который не дрогнул в шторм и спас людей, разнеслась пуще прежнего. Доверие к нему выросло стократно.

Сел Иван вечером в своей богатой горнице, достал кошель с золотыми монетами, которые заработал благодаря советам, и задумался. Где же черт? Выполнил он свою часть уговора сполна.

Вдруг камин вспыхнул зеленым пламенем, и вышел из огня его старый знакомец. Одет он был уже не в драный тулуп, а в кафтан бархатный, сапоги сафьяновые.

— Ну что, Иван, — усмехнулся черт, поправляя перстни на пальцах. — Уговор исполнен. Ты богат, умен и славен. Прощаться пришел.

Поднялся Иван, поклонился низехонько.

— Спасибо тебе, учитель мой незримый. Научил ты меня главному: торговля — это не обман, а умение видеть суть и терпение. А за помощь твою прими последний дар.

Протянул Иван черту тот самый кошель с золотом.

— Это твоя доля. Без тебя я бы этого не добился.

Удивился черт. Знал он много людей, но никто еще ему денег добровольно не предлагал. Взял он кошель, взвесил в руке.

— Добрая душа у тебя, Иван. Оставь золото себе. Я свое уже получил. Наблюдать за тем, как простой деревенский парень стал великим человеком, было лучшим развлечением за последние лет триста. Живи честно. А я пойду. Может, где еще такого простака найду.

Сказал — и исчез в камине.

А Иван прожил долгую и счастливую жизнь, продолжая торговать мудро и справедливо, никогда не забывая, что истинное богатство строится не на обмане, а на уме, терпении и добром сердце.

Сведение судеб любимых

В некотором царстве, в некотором государстве, а вернее — в одном богатом купеческом посаде, что раскинулся на крутом берегу широкой реки, жила-была девица по имени Аленушка. Была она не то чтобы писаной красавицей с лубочных картинок, но глаза ее сияли такой ясной, доброй и упрямой синевой, что редкий молодец мог пройти мимо, не оглянувшись. И был у той Аленушки суженый — Иван, сын кузнеца. Парень он был статный, сильный да честный. Любили они друг друга без памяти, подолгу гуляли по берегу, мечтали о домике с резными наличниками и о детишках, что будут бегать по траве босиком.

Но не по нраву пришлась эта любовь родителям Аленушки. Купец был человек суровый, практичный. Он уже и сговорился с соседом своим, таким же толстосумом, о свадьбе. Жених был в годах, вдовец, зато сундуки его ломились от золота, а лавки — от дорогих тканей. «Стерпится — слюбится», — говаривал отец. «За богатым мужем и в шелках походишь, и горя не узнаешь», — вторила мать.

Аленушка же стояла на своем. «Не мил мне ваш купец! — плакала она. — Сердце мое навек Ивану отдано!». Но родители были непреклонны. В гневе купец схватил дочь за руку и повелел слугам собирать ее вещи. «Не хочешь по-нашему — поживешь-ка иначе! — гремел он. — Отправим тебя в дальний монастырь! Там уму-разуму наберешься, грех гордыни с тебя снимут. А как одумаешься — вернемся за тобой и за того пойдешь, за кого скажем!».

Так и случилось. В один холодный осенний день заперли Аленушку в тесной келье женского монастыря, стоявшего в глухом лесу, верстах в тридцати от посада. Келья была сырая, пахло плесенью и ладаном. Вместо шелковых платьев — грубая власяница. Вместо песен Ивана — лишь монотонное чтение псалмов да стук дождя по слюдяному окошку.

Первые дни Аленушка крепилась. Но когда поняла, что стены эти — не на неделю, что ее любовь и Иван остались где-то там, за непроходимой чащей, а впереди лишь серые дни без просвета, ее сердце не выдержало. Упала она на холодный каменный пол и зарыдала так горько, как может плакать лишь человек, потерявший все.

— Святые угодники, за что мне доля такая? Отнимите у меня жизнь лучше, чем в этой темнице век вековать! Услышите меня хоть кто-нибудь! Хоть ангел небесный, хоть демон лесной! Сил моих больше нет! Верните мне моего Ваню! — шептала Алена сквозь слезы.

Была Велесова Ночь. И в это самое время над лесом бушевала ночная гроза. Но не молнии сверкали в небе, и не гром гремел. То летела по небу кавалькада бесов. Были они мелкие, юркие, с хвостами-метелками и рожками на макушке. Возвращались они со своей бесовской гулянки на Лысой горе и были уже изрядно навеселе, ночь Велесова — раз в году бывает.

— Глянь-ка, братцы! — пискнул самый молодой бесенок по имени Шуршик (*тот самый, что потом стал жить у Аграфены — прим.*), зависнув над крышей монастыря. — Чую я тут девичий плач! Да такой горький, что даже у меня, беса, сердце щемит.

— Тьфу на тебя! — шикнул на него старый бес Хрустяка. — Нашел кого жалеть — девка замуж за богача не хочет! Люди сами свою судьбу куют.

— А может... может... поможем? — робко предложил Шуршик. — Ну что нам стоит? Развлечемся! Представьте только - бедная девка из темницы монастырской спасена! Вот будет переполоху!

Идея пришлась остальным по душе. Бесы любили проказы, а тут намечалось серьезное дело.

Появились они перед Аленой, и та даже не испугалась, а была рада, что услышали ее слова.

— Где твой жених-то? — деловито спросил Хрустяка.

— В посаде! У отца-кузнеца! — всхлипнула Аленушка.

— Ну, так летим! — хором сказали бесы и взмыли в путь.

Бесы спикировали вниз так быстро, что ветер засвистел. Через мгновение они уже были в посаде. Найти дом кузнеца было делом легким — из трубы валил густой дым даже ночью. Кузнецы всегда почитали бесов за их помощь в таком нелегком ремесле.

Иван не спал. Сидел у окна, смотрел на дождь и думал об Аленушке. Вдруг окно распахнулось само собой (это Шуршик постарался), и в комнату ворвался вихрь из осенних листьев и мелких бесов.

Иван оторопел.

— Что происходит?

— Не бойсь, кузнец! — хрипло каркнул Хрустяка. — Мы тебе весточку принесли от твоей зазнобы. Заперли ее в монастыре за лесом. Плачет там твоя краса день и ночь.

Сердце Ивана рухнуло куда-то вниз.

— Правда ли это? — выдохнул он.

— Вот те хвост! Правда! Если хочешь спасти ее — действуй сейчас. Ночь темная, стража спит. Мы дорогу покажем.

Иван не стал раздумывать ни секунды. Схватил тулуп, мешочек с золотом, что на свадьбу откладывал, да краюху хлеба. Бесы окружили его плотным кольцом, создавая невидимый кокон от чужих глаз, и понеслись над лесом быстрее ветра.

А в монастыре Аленушка уже забылась тяжелым сном прямо на полу. Вдруг она услышала тихий скрип ставни. Она подумала, что ей снится. Но скрип повторился, и знакомый голос тихо позвал:

— Аленушка! Любимая! Это я!

Девушка вскочила. В окне — силуэт ее любимого Ивана!

— Ваня! Ты ли это? Или призрак?

— Я это! Живой! Черти-братья мне путь указали!

Он ловко перемахнул через подоконник — бесы подсадили, подхватил ее на руки и прижал к себе так крепко, что у нее дыхание перехватило.

— Бежим отсюда!

Бесы снова окружили их невидимым щитом. Они провели беглецов мимо сонной привратницы (которая вдруг решила пойти проверить кур), помогли перебраться через высокую монастырскую стену и вывели точно к тому месту в лесу, где Иван оставил своего коня.

На рассвете они были уже далеко.

Уехали они в другой город, где никто их не знал. Иван открыл свою кузницу, а Аленушка стала лучшей мастерицей по кружеву. Родились у них детишки — румяные да голосистые. Жили они душа в душу, счастливее всех на свете.

Но никогда не забывали они своих спасителей. Как только наступало полнолуние и ночное небо заливалось серебряным светом их крепкий дом, Аленушка выходила на крыльцо с большим блюдом. На том блюде всегда лежали самые вкусные угощения: свежий мед в сотах для липкости, сладкие пряники для радости да крынка густых сливок да большая бутылка водки.

— Блага вам, помощники наши незримые! — шептала она и ставила блюдо на верхнюю ступеньку.

И тут же из тени деревьев слышался тихий шепоток и смешки:

— На здоровье!

— Сладко-то как!

А иногда самый смелый Шуршик даже показывал свой любопытный нос из-за угла сарая и махал лапкой.

Так они и жили: Иван и Алена благодарили бесов за добро и любовь, за детей, что у них появились, благодаря помощи бесов. А бесы прилетали полакомиться пряниками под светом полной луны.

И понял тогда каждый в том городе: не все то зло, что рогато да хвостато. От нечистой силы бывает помощь добрым людям больше, чем от всей родни вместе взятой, как например, из нашей сказки, которые вообще чуть не сгубили несколько жизней.

Помощь Полевика

В одной деревне, что стояла на самом краю бескрайнего ржаного поля, жила молодая женщина по имени Василиса. Была она работящей, доброй и красивой, но счастье ее было с горчинкой. Вышла она замуж за хорошего парня, а вот детишек Бог не давал. Год проходит, другой — а живот пустой. Ходила Василиса к церковь молилась, пила горькие отвары, да все без толку. А потом и вовсе беда приключилась: одолела ее женская хворь, такая сильная, что ни разогнуться, ни поле прополоть.

Сидела она как-то на лавке, смотрела в окно на колышущееся от ветра золотое море ржи и плакала. стыдно ей было перед мужем, больно самой. «За что мне это? — шептала она. — Вон, у каждой травинки в поле есть семя, а у меня — нет. Вон, земля-матушка каждый год урожай дает, а я — пустоцвет».

Не выдержало сердце ее тоски. Встала она, накинула на плечи старый платок и пошла. Не в деревню пошла, не к людям, а прямо в поле. Шла между высоких стеблей, пока деревня за спиной не скрылась. Упала Василиса на колени в мягкую, теплую землю и зарыдала в голос, уже не стесняясь.

— Полюшко ты мое широкое! — причитала она. — Земля-матушка! Заберите мою боль! Нет мне жизни без дитя! Лучше бы мне в землю уйти, чем так маяться!

Вдруг ветер, что только что гнул колосья к земле, стих. Наступила такая тишина, что стало слышно, как муравей ползет по стебельку. И тут из-за ближайшего куста васильков раздался тихий, шуршащий голосок, похожий на шелест созревшего зерна:

— Чего ревешь, красавица? Землю слезами поливаешь. Ей и без твоих слез дождей хватает.

Василиса вздрогнула и подняла голову. Перед ней стоял странный человечек. Ростом он был метром. одет в кафтанчик из сухих травинок, подпоясанный соломинкой, а на голове — венок из васильков и маков. Глаза у него были пронзительные, прям в самую душу смотрят, цвета спелой травы.

— Ты кто таков будешь? — прошептала Василиса.

— Я-то? — человечек важно подбоченился. — Я — Полей, дух этого поля. Полевиком также в миру зовут. Хозяин я тут. А ты кто такая, что в мою вотчину плакать пришла?

— Василиса я... Беда у меня.

И рассказала она ему все как на духу: и про тоску свою бездетную, и про хворь лютую, что тело ломит.

Полей слушал внимательно, кивал головой. Потом подошел поближе и строго так пальцем погрозил:

— Эх, про главное забываете. Поле — оно ведь живое. Оно силу дает.

Он присел на корточки и ладошкой погладил землю.

— Слушай меня внимательно, Василиса.

Он сорвал несколько травинок — подорожник да зверобой.

— Вот тебе лекарство мое царское. Не отвар из них варить надо, а с землей-матушкой разговаривать.

И Полевик научил ее как:

— Каждое утро на заре приходи сюда босиком. Встань лицом к восходящему солнцу и проси у поля силы не для себя одной, а для будущего рода своего. Земле поклонись. А после этого ложись прямо здесь на траву ненадолго, чтобы сила земли в тебя вошла.

— А хворь-то как уйдет? — не поверила Василиса.

— А хворь уйдет от движения и от того, что я тебе скажу делать дальше.

Он хитро улыбнулся:

— Ты ведь думаешь, почему поле пусто не бывает? Потому что земля работает! И тебе работать надо! Бросай ты пока свою сидячую работу в избе за пальцами и ступай в поле помогать! Прополка — это не просто сорняки дергать. Это ты свое тело заставляешь трудиться, кровушку разгонять по жилам. Каждый сорняк вырванный — это боль твоя уходит.

Василиса послушалась. Стала она каждое утро встречать солнце в поле. Босые ноги чувствовали прохладу росы и тепло земли. Она говорила с полем, как научил ее Полей, и действительно чувствовала, как тяжесть из тела уходит.

А потом она и вовсе стала помогать жницам во время страды. Поначалу тяжело было: спина ныла, руки гудели. Но с каждым днем она замечала странную вещь: боль становилась тише, а потом и вовсе пропала.

Прошло лето, настала осень с богатым урожаем. А следом пришла зима... И по весне поняла Василиса то, о чем шептались уже все соседки: она понесла.

Ровно через девять месяцев родила она мужу двойню — мальчика крепенького да девочку румяную. Здоровые детки родились, красивые.

С тех пор прошло много лет. Выросли дети Василисы сильными да красивыми людьми. А сама она до старости сохранила легкую походку и румянец во всю щеку.

И никогда не забывала она своего спасителя. Каждую весну выходила она в поле с гостинцами: оставляла под кустом васильков свежий хлеб да крынку молока — угощение для беса Полевика в благодарность за мудрость его полевою и исцеление. А также научила этому и других девиц, кто материнского счастья хотел.

Так что знайте: иногда помощь приходит не оттуда, откуда ждешь, а от самой земли-матушки да ее верных хранителей.

Хозяин болота и спасение знахарки

В дремучих лесах, где вековые ели подпирают низкое, серое небо, а тропы зарастают мхом за одну ночь, жила знахарка Евдокия. Не было в округе человека, кто бы не знал ее имени. Шептались, что травы ей сами в руки ложатся, а хворь любую она одним прикосновением снимает. Но Евдокия была не просто травницей. Она знала главное правило: чтобы взять что-то у природы, нужно сначала дать. И не просто бросить монетку в воду, а уважить истинных хозяев этих мест.

Каждый год, как сходил весенний паводок и зацвел багульник, отправлялась Евдокия на самое сердце топей — на Великое Болото. Не за клюквой шла и не за мхом. Шла она к Болотнику.

Болотник — дух суровый, древний. Не злой и не добрый, а справедливый. Он — Хозяин. В его владениях каждая кочка, каждая черная вода и каждый кривой чахлый кустик подчиняются его воле. Он может утянуть в трясины одним взглядом того путника, у которого сердце и душа злобой полнены, а может и вывести заблудившегося к твердой земле.

Евдокия знала его законы. Прежде чем ступить на первую кочку, она остановилась на сухом берегу. Достала из холщовой сумки дары:

Хлеб и сладости с наливкой — знак уважения к Хозяину.

Красную ленту из чистого шелка — чтобы задобрить его своенравных жен-болотниц, что по ночам водят хороводы в тумане.

Медный пятак — плату за проход по его землям.

Она разложила дары на замшелом пне, низко поклонилась на все четыре стороны и тихо сказала в туман:

— Прими, Хозяин, дары мои скромные. Не со злом пришла я в твоё Царство, а с нуждой. Нужны мне корни аира да листья багульника для людей страждущих. Позволь мне травы собрать, а я тебе за то уважение выкажу.

Туман над болотом сгустился, словно кто-то огромный выдохнул. Евдокия поняла: услышали ее. Она смело шагнула на первую кочку.

Целый день бродила она по топям. Болото пело свою вечную песню: квакали лягушки, булькала трясина, стонала выпь где-то вдалеке. Евдокия собирала травы, шепча заговоры и благодаря духов за каждый найденный корень. К вечеру сумка ее была полна.

Пора было возвращаться. Солнце уже цеплялось краем за верхушки елей, окрашивая воду в багряный цвет. Евдокия двинулась в обратный путь. Она так хорошо знала тропу, что шла почти не глядя под ноги, погруженная в свои мысли о больных, ждущих ее помощи.

И тут случилось страшное. Под ногой, которая должна была стать на твердую кочку-сплавину, предательски хлопнула вода. Кочка ушла вниз, словно живая. Евдокия взмахнула руками, пытаясь удержать равновесие, но мокрый мох был скользким как лед.

— Ох! — только и успела выдохнуть она.

Нога провалилась по колено в ледяную жижу. Трясина жадно чавкнула и потянула ее вниз. Евдокия ухватилась за чахлую березку, росшую рядом, но тонкий ствол с треском обломился. Она погрузилась уже по пояс.

— Помогите! — закричала она не столько от страха смерти, сколько от обиды на собственную неосторожность.

Вода была черной и холодной. Трясина затягивала медленно, но неумолимо. Евдокия барахталась, чувствуя, как силы покидают ее с каждым движением.

И тут из-под воды прямо перед ней вынырнула огромная фигура. Это был не человек и не зверь. Гладкая зеленая кожа обтягивала могучее тело, длинные седые волосы и борода были увиты водорослями и тиной. Глаза его светились в сумерках холодным болотным огнем.

Это был сам Болотник.

Он молча смотрел на нее несколько секунд. Евдокия замерла от ужаса и преклонения одновременно.

— А-а-а... — протянул он низким, утробным голосом, похожим на ворчание старого пня. — Так это ты та знахарка? Та самая, что дары оставляет?

Он не стал ждать ответа. Огромная зеленая лапища схватила Евдокию за шиворот так легко, словно она была перышком. Одним мощным рывком он выдернул ее из трясины на ближайшую кочку.

Евдокия оказалась на твердой земле. Она подняла глаза на своего спасителя.

— Благодарность тебе... Хозяин болот... — прошептала она дрожащим голосом.

Болотник стоял над ней во весь свой исполинский рост. Он посмотрел на нее и перевел взгляд на ее сумку с травами.

— Травы-то не растеряла? — буркнул он уже мягче.

Евдокия судорожно прижала сумку к груди и замотала головой:

— Нет! Все тут!

Болотник хмыкнул, и звук этот был похож на бульканье пузырей в трясине.

— Иди с миром. И впредь смотри под ноги... знахарка. Люди тебя хвалят. Говорят, ты добро творишь без корысти.

Он развернулся и с громким всплеском ушел обратно в свою темную воду, оставив после себя лишь круги да запах сырости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.